
СОВРЕМЕННОЕ — ЗАРУБЕЖНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ ИМ. А. А. ПО

*К IX Международному
съезду славистов*

СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1983

Монография содержит критический анализ ряда методологических направлений и теоретических концепций современного западноевропейского и американского языкознания. Рассматриваются методологические и теоретические позиции зарубежного языкознания, связанные с освещением проблем общественного функционирования языка, его исторического развития, специфики языковой структуры, методики лингвистического исследования. Прослеживаются, с одной стороны, прогрессивные сдвиги в методологии зарубежной лингвистики, отражающие постепенное приближение ее к диалектико-материалистическому пониманию языка, с другой стороны, отмечаются серьезные недостатки в исследовании сущности и функционирования языка, обусловленные порочностью методологии идеализма и позитивизма.

Для лингвистов, философов и социологов.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. С. МЕЛЬНИЧУК

РЕЦЕНЗЕНТЫ

А. А. ГРИЩЕНКО, Н. П. РОМАНОВА, С. В. СЕМЧИНСКИЙ

Редакция языкознания

ЗАРУБЕЖНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ НА РАСПУТЬЕ

Мировое языкознание живет интенсивной и многогранной жизнью. Ежегодно собираются десятки международных форумов, посвященных различным аспектам общего языкознания и проблемам изучения отдельных языков или языковых групп и семей, выходят в свет сотни периодических изданий, относящихся к многочисленным областям общей и частной лингвистики, публикуются тысячи монографий и статей на лингвистические темы. Такое большое место, занимаемое лингвистикой среди современных областей знания, обусловлено, с одной стороны, исключительно важной и всевозрастающей ролью языковой деятельности в развитии общества, а с другой — первостепенным значением теоретического осмысления сущности языка для понимания ряда кардинальных вопросов философии, психологии и социологии.

Как и ряд других гуманитарных наук, современное мировое языкознание характеризуется значительным разнообразием методологических подходов к изучаемому объекту. Такое отсутствие единства методологических основ, помимо многоплановости самого языка как объекта исследования и отмеченной исключительно тесной связи ряда общелингвистических проблем с мировоззренческими проблемами философии, усиливается специфическими особенностями развития науки о языке в настоящий период. Лингвистический структурализм, пустоцвет которого облетел в основном на протяжении 60-х годов, оставил после себя сильно засоренную методологическую почву. На этой почве, наряду с новыми здоровыми ростками традиционных отраслей языкознания, получивших прочную опору в методологии диалектического материализма, появились зародившиеся в тени структурализма лингвистические направления, ориентированные главным образом на отдельные разновидности идеализма и позитивизма.

Противоположность диалектико-материалистической методологии, с одной стороны, и методологии идеализма и позитивизма — с другой, является основной чертой, характеризующей современное состояние мирового языкознания. Диалектико-материалистическое

языкознание исходит из понимания языка как специфического, свойственного всем членам общества знаково-коммуникативного вида общественной деятельности, имеющей объективный характер и субъективно осмысливаемой ее носителями подобно всем другим видам деятельности. Сущность языковой деятельности заключается в том, что все доступные человеческому восприятию и осмыслению явления действительности и связанные с ними факты сознания обозначаются при помощи исторически закрепленных, общественно отработанных аналитических звуковых знаков человеческой речи или их условных письменных заместителей. Такое обозначение делает возможным необходимое для развития общества мысленное оперирование с бесконечным количеством классов объективных явлений и отвлеченных понятий и взаимный обмен результатами этого оперирования между людьми. Исторически установившиеся приемы и закономерности языковой деятельности, бесконечно повторяющиеся в сходных ситуациях, образуют сложную систему, реально существующую в общей совокупности речевых актов, осуществляемых всеми членами общества (языкового коллектива). Не будучи в состоянии непосредственно наблюдать реальную систему языка в целом, каждый исследователь создает себе приблизительное представление о ней на основании сопоставления и обобщения фактов, наблюдаемых в доступной конкретному исследованию части речевых актов, и собственных языковых навыков. В результате обобщения получаемых таким образом представлений о реальной системе приемов и закономерностей языковой деятельности создается абстрактная научная система языка, которая излагается в форме научной фонетики, грамматики и словаря данного языка и в таком виде становится объектом дальнейшего научного анализа и обобщения, но не может полностью заменить собой понятие реальной системы языка в общелингвистической теории. Как и другие виды общественной деятельности, с развитием общества языковая деятельность претерпевает постепенные изменения под влиянием определенных причин, одни из которых представляют собой факторы внутриязыкового характера, другие — внеязыковые факторы. Исторические изменения языка, совершающиеся медленно и постепенно, непосредственному наблюдению практически недоступны. Но о них можно судить на основании сопоставления данных о различных этапах развития одного и того же языка или же группы родственных языков по их разновременным фиксациям в письменных памятниках или же по отдельным генетически соотносительным формам родственных языков или диалектов, восходящим к предполагаемой единой более древней форме. Языковые данные, получаемые из письменных памятников или путем сравнения фактов родственных языков, отражают исторические этапы развития языка неполно и не всегда точно. Но эти данные позволяют в той или иной степени, в зависимости от их количества, приблизиться к правильному пониманию объективного состояния языка на прошедших этапах. Каждое состояние языка, фиксируемое на каком-нибудь этапе, является лишь научной абстракцией, представляющей

один из моментов непрерывного процесса осуществления и постепенного изменения языковой деятельности. В соответствии с этими исходными положениями решаются в диалектико-материалистическом языкознании и все остальные вопросы теоретического объяснения и эмпирического исследования языка. Диалектический материализм признает возможность различных конкретных подходов к языку и методов лингвистического анализа, зависящих от непосредственных целей исследования и от характера исследуемых объектов, но не допускает превращения какого-либо одного из этих частных методов в универсальную теорию языка. Диалектико-материалистический подход к языку наиболее последовательно учитывает действительную сущность языка и объективные возможности его научного познания, обеспечивая языкознанию максимальную эффективность и общественную полезность.

Идеалистическое языкознание отрицает первичность объективного существования языка. Искусственно отделяя язык от речи как его реализации, идеалистическое языкознание представляет язык в виде идеальной системы, находящейся только в сознании каждого говорящего (субъективный идеализм), или в виде якобы объективно существующей системы чистых отношений, не обладающих материальными свойствами (объективный идеализм). При этом языковой знак трактуется как идеальное единство означающего и означаемого, в принципе не зависящее от обозначаемого реального объекта. В связи с этим языковая деятельность рассматривается как свободное проявление духа, не зависящее от объективной действительности, а исторические изменения языка объявляются иногда лишенными причинного характера и обусловленными только внутренней целенаправленностью, языковой свободой говорящих. Философский позитивизм, пытающийся стать выше противоположности двух основных направлений в философии — идеализма и материализма — и тем не менее в ряде отношений смыкающийся с идеализмом, внес в языкознание агностическое отношение к реальному объекту исследования и ограничение исследовательского интереса явлениями, воспринимаемыми на уровне непосредственного наблюдения. С этим связана и ярко выраженная в зарубежном языкознании тенденция к кропотливой разработке и бесконечному совершенствованию формальных методов описания и анализа фактов языка, громоздких систем их условного обозначения, предельно затрудняющего восприятие и понимание скрываемых за ним фактов. Положение позитивизма об одинаковой допустимости различных научных теорий, объясняющих один и тот же объект, способствовало возникновению в зарубежном языкознании целого ряда лингвистических концепций, каждая из которых создает свою систему понятий и утверждений, отличающихся от принимаемых в других концепциях (впрочем, нередко только по названию, в плане терминологии), и вместе с тем стремится приобрести статус универсальной общелингвистической теории. Идеалистический и позитивистский подходы в языкознании ведут к извращенному представлению исследуемых объектов, выпячиванию одних их сторон и затушевы-

ванию других, отвлечению внимания исследователей на бесперспективную разработку фиктивных проблем и игнорированию проблем действительных и актуальных.

Диалектико-материалистическая методология играет ведущую роль в советском языкознании, методологии идеализма и позитивизма — в языкознании капиталистических стран. Это объясняется в первую очередь причинами идеологического характера — тем, что философия диалектического материализма является неотъемлемой составной частью марксистско-ленинской коммунистической идеологии прогрессивного и развивающегося социалистического общества, в то время как различные направления философского идеализма и позитивизма используются для теоретического обоснования идеологии реакционного и отмирающего общественного строя капитализма. Однако зависимость между идеологией, господствующей в данном обществе, и методологией, принимаемой в языкознании страны, не имеет прямого характера. В любой капиталистической стране наряду с господствующей идеологией может быть более или менее широко представлена другая идеология, сказывающаяся и на методологии разрабатываемых здесь общественных наук. Не менее существенно и то обстоятельство, что не все исследователи, занимающиеся разработкой определенных проблем языкознания, осознают глубинные связи отдельных лингвистических концепций с соответствующей философской методологией и дальше — с классовой идеологией. Именно поэтому в капиталистических странах часть языковедов, преимущественно умудренных большим исследовательским опытом, убеждаясь в несостоятельности модных направлений в языкознании, пытающихся перечертнуть многие достижения предшествующих этапов развития лингвистической науки, стихийно, под давлением совокупности исследуемых ими фактов принимают одно за другим положения наиболее прогрессивной методологии в языкознании, иногда и не подозревая, что они становятся, более или менее последовательно, на позиции диалектического материализма. С другой стороны, преимущественно молодые, еще недостаточно теоретически подготовленные языковеды нередко проявляют склонность к увлечению необычными терминами и парадоксальными формулировками отдельных модных направлений и в результатевольно или невольно оказываются на позициях идеалистического и позитивистского языкознания.

Таким образом, борьба между главными, диаметрально противоположными методологическими направлениями в языкознании ведется в основном не на уровне методологии, а на уровне разработки конкретных лингвистических проблем. В принципе такое положение вполне закономерно, так как именно в исследовательской практике могут быть проверены эффективность той или иной методологии, ее адекватность исследуемой действительности. Но при таких условиях, без одновременной открытой борьбы на уровне методологии, в значительной степени тормозится общий прогресс науки о языке. Прогрессивная методология распространяется в мировом языкознании стихийно, шаг за шагом, в исследованиях отдельных

ученых, слишком медленно отсоединяемая у реакционной методологии одну позицию за другой, между тем как реакционная методология взамен каждой утраченной ею позиции занимает новые, еще более тщательно маскируя их необычными обозначениями и формулировками. Сторонники идеализма и позитивизма в языкознании стараются сохранить такой характер борьбы, они даже выдвинули лозунг о том, что в науке не стоит «сражаться за знамена», пытаясь этим лозунгом отвлечь внимание широких кругов языковедов от подлинной идеологической сущности разрабатываемых и защищаемых ими лингвистических концепций. На примере Копенгагенской школы структурализма они убедились в том, что открытая борьба на уровне методологии не сулит идеализму и позитивизму в языкознании сколько-нибудь существенного и длительного успеха. Но систематическое дополнение борьбы между лингвистическими концепциями, основывающимися на различных методологических позициях, непосредственной конфронтацией на уровне самой методологии вполне соответствует интересам утверждения прогрессивного диалектико-материалистического подхода к языку и ускоренного развития языкознания, так как только таким путем могут быть в надлежащей мере раскрыты идейная порочность и познавательная бесперспективность методологии идеализма и позитивизма, а тем самым — и методологическая несостоятельность формирующихся на их основе лингвистических направлений.

Современный период в зарубежном языкознании определяется как послеструктуралистский. Представленное различными разновидностями структуралистское направление в течение нескольких десятилетий навязывало языкознанию восходящую к де Соссюру преувеличенную оценку роли идеалистически понимаемой языковой структуры как сети чистых отношений, якобы определяющих и материальную природу конкретных единиц языка, и их семантическое содержание. В рамках структурализма или просто под его вывеской были получены и некоторые положительные результаты в изучении структуры языка, особенно в тех случаях, когда исследователи принимали структурализм лишь как один из возможных аспектов изучения языка, не исключая других аспектов (напр., А. Мартине, некоторые представители Пражской лингвистической школы и др.). Но эти положительные результаты, которые могли быть достигнуты и без структурализма, не идут ни в какое сравнение с тем отрицательным влиянием, которое структурализм оказал на методологическое воспитание новых поколений языковедов и на состояние разработки ряда важных разделов языкознания. Подавляющее большинство языковедов, попавших под влияние структурализма, усвоило вместе с его теоретическими положениями методологически ложное представление о якобы идеальной сущности языка как гипостазированной системы, оторванной от объективной действительности, и стремление к формализации как основному способу и конечной цели исследования языка. Структуралистическое игнорирование принципа историзма в языкознании и связанное с этим ограничение задач языкознания синхроническим изуче-

нием внутренней структуры языка привели к глубокому упадку исторического языкознания, устранению из сферы языкознания проблематики подлинно общественных аспектов функционирования языка, социальной обусловленности его развития.

Лингвистический структурализм сошел со сцены не вследствие идейной борьбы — эта борьба велась против него недостаточно активно, — а из-за своей специально научной несостоятельности, неспособности обеспечить надлежащую разработку актуальных проблем языкознания. Тем самым не были отвергнуты обусловившие эту научную несостоятельность порочные методологические основы структурализма, а лишь отклонены предлагавшиеся структурализмом формы применения этих методологических основ к языку. За идеализмом и позитивизмом сохранилась — хотя и в более узких масштабах — возможность выполнения их методологической роли в языкознании под видом других лингвистических концепций.

Прямой наследницей структурализма в зарубежном языкознании оказалась зародившаяся в его недрах так называемая трансформационно-генеративная грамматика, основателем которой является Н. Хомский. Название «генеративная» дано этой теории с целью подчеркнуть, что ее задача заключается в разработке правил порождения грамматически правильных предложений данного языка и отличения их от «неграмматических» предложений, в частности, конкретные конструкции в речи, называемые «поверхностными структурами», считаются порожденными на основе так называемых «глубинных структур», непосредственно не наблюдаемых. Трансформационной эта теория названа потому, что способом обозначения каждой генеративной процедуры в ней являются так называемые трансформации, представляющие собой условные формализованные обозначения превращения одних конструкций в другие. Впоследствии этот прием был распространен некоторыми последователями Н. Хомского на исторические изменения в языке. На месте понятия языковой структуры в теории Хомского выступает абстрактное и по существу идеалистическое понятие языковой компетенции говорящего, с введением которого практически исключается понимание языка как объективно существующего общественного явления. Надуманность и схематизм трансформационно-генеративной грамматики, получившей значительное распространение в США и странах Западной Европы, встречают критическое отношение и всевозрастающее сопротивление со стороны многих языковедов. Оставляя в стороне вопрос о возможной применимости формальных приемов трансформационной грамматики при осуществлении машинного перевода (подобные аргументы неоднократно высказывались и в поддержку отдельных направлений структурализма), следует подчеркнуть, что в качестве общелингвистической теории это направление абсолютно несовместимо с диалектико-материалистическим пониманием языка и задач его исследования.

Почти одновременно с трансформационной грамматикой в некоторой степени как ее противовес возникла американская социалингвистика, поставившая целью изучение функционирования языка

в социальном контексте. Социолингвистика отличается от трансформационной грамматики не только в методологическом, но и в объективно-предметном плане: с различных методологических позиций в них рассматриваются вместе с тем различные стороны языка. Появление социолингвистического направления, частично продолжившего традиции американской социальной антропологии, еще раз подчеркнуло, что языкознание не может ограничиться изучением внутриструктурных отношений в языке. Однако по методологическим принципам зарубежная социолингвистика, опирающаяся в основном на философию позитивизма, имеет мало общего с диалектико-материалистическим пониманием языка как общественного явления. Исходя из требований позитивистской методологии, ряд представителей американской социолингвистики отказываются даже от изучения причинных связей между языком и обществом, ограничиваясь при этом простой констатацией параллелизма относящихся к ним явлений. В зарубежной социолингвистике практически не разрабатывается проблема исторического развития языка, являющаяся наиболее важной проблемой в плане связи языка и общества. Подлинно социологический анализ явлений языка в исследованиях этого направления нередко подменяется рассмотрением их на уровне индивидуальной и групповой психологии. Несмотря на глубокие принципиальные расхождения с трансформационной грамматикой, зарубежные социолингвисты принимают некоторые трансформационалистские понятия и исследовательские приемы.

В отдельное, не очень четко определившееся, методологическое направление в зарубежном языкознании складывается семиотическая теория языка. Главное содержание лингвистических работ этого направления заключается в освещении известных свойств языка с позиций семиотики Ч. Пирса и других философов. В отдельных случаях авторы этих работ (напр., Р. Анттила) настоятельно подчеркивают их идеалистическую ориентацию.

Небольшая группа американских лингвистов (У. Кристи, С. Лэм, Д. Локвуд и др.) объединилась на почве так называемой стратификационной лингвистики, рассматривающей язык как совокупность структурных уровней (стратов) и исходящей из глоссематического представления структуры языка как сети чистых отношений. В работах этих авторов отдельные явления языка представляются символически в виде узлов линий различной конфигурации. Этот громоздкий и необычный способ описания языка, по мнению авторов, не находит признания только потому, что они не уделяют пропаганде своих взглядов столько внимания, как сторонники трансформационной грамматики.

Поддержанная установкой позитивистской гносеологии тенденция к выделению и обособлению новых методологических направлений и оттенков является самой характерной чертой современного зарубежного языкознания. Даже некоторые исследователи с широким методологическим кругозором, близкие к объективно-научной методологии диалектического материализма, стараются придать своим концепциям какие-нибудь подчеркнуто оригинальные черты и на-

весить на них отличительные методологические вывески. Так, А. Мартине и его последователи настойчиво удерживают за своей весьма содержательной и многосторонней лингвистической концепцией название «функциональная лингвистика», хотя, по-видимому, именно это название, восходящее к Пражской школе, мешает Мартине избавиться от некоторых методологических крайностей, отделяющих его концепцию от диалектико-материалистической теории языка.

В условиях кризиса лингвистического структурализма наряду с возникновением новых немарксистских направлений в зарубежном языкознании заметно усилились позиции марксистской методологии. В капиталистических странах появились серьезные лингвистические исследования, исходящие из диалектико-материалистического понимания сущности языка как общественного явления (работы Д. Херубима, Г. Симона, У. Аммана и др.). Имеется ряд работ, которые не содержат прямых авторских указаний на принимаемую в них методологию, но вместе с тем не обнаруживают каких-либо принципиальных отклонений от диалектико-материалистического понимания языка. В некоторых из них встречаются утверждения идеалистического и позитивистского характера, но они производят впечатление чужеродных вкраплений в целостную систему взглядов, отражающую объективно-научный подход к языку.

Дифференциация в методологии зарубежного языкознания продолжается. В ходе этой дифференциации все шире осознается бесперспективность идеалистических и позитивистских направлений в науке о языке, все настоятельнее становится необходимость последовательного перехода мировой лингвистики на позиции диалектического материализма.

* * *

В коллективной монографии «Современное зарубежное языкознание. Вопросы теории и методологии» с позиций диалектико-материалистической лингвистики рассматриваются основные направления разработки важнейших теоретических и методологических проблем науки о языке в странах Западной Европы и Америки. В написании монографии приняли участие следующие авторы: А. С. Мельничук (разделы «Зарубежное языкознание на распутье» и «Вопросы истории языка»), А. Н. Гаркавец («Понимание специфики языка как общественного явления»), К. Ф. Савранчук («Проблема соотношения языка и культуры»), О. Б. Ткаченко («Освещение результатов взаимодействия языков»), Ю. А. Жлуктенко («Теория «языкового планирования»»), А. И. Чередниченко («Проблемы типологии языковой вариантности»), М. М. Пещак («Трактовка связи между значением и звуковым выражением»), И. Ф. Андерш («Интерпретативная и генеративная семантика»), С. С. Ермоленко («Проблемы изучения экспрессивных единиц языка»), Т. Г. Линник («Понимание соотношения метода и теории»), И. В. Сойко («Проблемы теории валентности»).

ПРОБЛЕМАТИКА ОБЩЕСТВЕННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

ПОНИМАНИЕ СПЕЦИФИКИ ЯЗЫКА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ЯВЛЕНИЯ

Уяснить сущность языка как общественного явления значит определить его через отношение к обществу во всех многогранных и многоаспектных связях каждого из них. Иначе говоря, для того чтобы представление об этом отношении соответствовало действительности, необходимо последовательно учитывать объективную сложность языка и общества, развившуюся исторически. Для языка в общем виде сложность заключается в одновременном и нерасчлененном существовании его как речевой деятельности, отдельное проявление которой — речевой акт, как реализующейся в общей совокупности речевых актов реальной системы языка и как зафиксированной различными видами памяти совокупности индивидуально-конкретных высказываний. Еще более сложной системой есть общество, которому также свойственна совершенно определенная структура, структура классовая, составляющая специфику взаимоотноствующих явлений базиса и надстройки, в частности культуры и идеологии.

Многогранность языка и общества, неоднозначная и зачастую неочевидная причинная взаимосвязь их составляющих представляют ощутимую познавательную трудность, особенно при научном определении отношения между ними. При этом удовлетворительность того или иного научного определения данного отношения предопределяется методологической основой науки, так или иначе решающей эту проблему.

В современном зарубежном языкознании понимание сущности языка как общественного явления довольно разнообразно — от изоляционистского игнорирования связи между языком и обществом до выразительных, претендующих на научную целостность и исчерпываемость концепций социолингвистического характера [Simon 1974]. Первый тип исследовательской позиции характерен для дескриптивного и генеративного структурализма, а также психолингвистики, второй — для социолингвистических направлений. Первые исследователи склонны отрицать возможность решения проблемы языка и общества или само наличие проблемы, вторые считают ее едва ли не единственным достойным внимания объектом изучения. В то же время социолингвисты решают ее по-разному —

в зависимости от поставленной цели: либо создание общей теории речевого поведения в бихевиористском духе, либо установление параллелей между языковыми и социальными структурами в плане их совместного варьирования без объяснения причинных связей, либо разработка общей теории места и роли языка в общественной жизни — в плане макросоциolingвистики, ориентированной на коллективную речь, или в плане микросоциolingвистики, ориентированной на речь индивидуальную и предлагающей узко индивидуалистское решение вопроса стирания границ между общественными классами. Представляется целесообразным построить наше обсуждение существующих точек зрения в той последовательности, в которой указаны основные течения современного зарубежного языкознания, поскольку именно в таком порядке отмечается не только усиление внимания к социальной стороне языка, но и глубина понимания общественной сущности предмета.

В западной лингвистике первой половины XX в. широкое признание приобрело представление о языке как особой структуре с четко определенными отношениями между компонентами. Описание этой структуры должно осуществляться в ее собственных границах, без выхода за пределы языка как системы знаков, и для нее самой, т. е. с целью разрешения чисто структурных вопросов, во многом дедуктивно и безотносительно к особенностям употребления языка. Эта идея получила существенное развитие в европейском структурализме соссоровского толка и американской дескриптивной лингвистике, давшей жизнь основным современным западным течениям языкознания. Основоположники последней понимали социальную природу языка как средства общения и обобществления конкретного и индивидуального опыта благодаря абстрагирующей и коммуникативной функциям языка [Сепир 1934: 11—12]. Ф. Боас и Э. Сепир, изучая обычаи, ритуалы, родоплеменную структуру, формы вежливости и другие проявления индейских культур Америки, стремились описывать изучаемый язык независимо от обслуживаемой им культуры и одновременно постоянно чувствовали невозможность такого абстрагирования, невозможность описания названных ее элементов без знания языка изучаемого племени, без включения в англоязычное описание автохтонных этнографизмов. Более того, этнографические заключения очень часто приходилось строить на основании языковых данных. Эти частные факты привели Сепира к несоразмерно общим выводам о том, что, во-первых, «в действительности «реальный мир» в значительной мере несознательно строится на основе языковых норм данной группы» [Sapir 1966:69], а, во-вторых, главным фактором, определяющим структурные особенности языка, являются внутренние тенденции языка [Sapir 1951:89]. Стремление этих этнографов к лингвистическому изоляционизму, получившее выражение в структуральном описании языка, таким образом, обусловлено желанием оградить объект изучения (тот или иной язык) от исследовательского извращения вследствие применения традиционной грамматики, каждое из понятий которой ассоциируется с грамматическими явления-

ми других языков. Следовательно, у Ф. Боаса и Э. Сепира внесопциальность описания языка — это, скорее всего, лишь прием, приведший к недопустимо широкому ложному заключению.

Логическая ошибка Сепира, малозаметная за истинностью ярких частных наблюдений, его последователями неоднократно доводилась до абсурда. Располагая ограниченным объемом сопоставимых элементов языка и общества и приписывая им ограниченное содержание, последователи Сепира делают выводы, претендующие на абсолютную универсальность. Так, с одной стороны, первому из приведенных мнений Б. Уорф придал значение аксиомы лингвистической относительности [Whorf 1940], которая впоследствии была развита в теорию изоморфности языковых и социальных структур. С другой стороны, дескриптивный структурализм, которому изначально был свойствен процедурный, прикладной характер, позже, у Л. Блумфилда, получил статус лишенной социального содержания абстрактной теории. У него дескриптивный метод был поставлен на методологическую основу философского прагматизма и позитивизма и психологического бихевиоризма. Концепцию общей обязательности и надындивидуальности языкового знака Блумфилд интерпретирует в свете бихевиористской модели «стимул — реакция» как удобную для взаимодействия биологических систем форму замещения биологического стимула говорящего и биологической реакции слушающего, форму (систему форм), которую они выработали и заучили в процессе приспособления к среде. Игнорируя общественно-историческую сущность языка, Блумфилд настаивает на синхронном описании в метафизическом смысле: «Чтобы описать язык, не нужно никаких свидетельств истории; фактически исследователь, который позволит таким свидетельствам повлиять на его описание, неминуемо исказит материал» [1968:33]. Недаром последователи ученого, в частности А. Найда, пришли к выводу о том, что наиболее удобным для грамматического описания является вымышленный, несуществующий язык [Гухман 1952:291], поскольку в этом случае не будет никаких недоразумений, возникающих обычно в связи с исключениями из правил [Сарнар 1934:210—211]. «Чистый языковой факт», описываемый американскими дескриптивистами, предстает, таким образом, как некая метафизическая сущность — независимо от общественного функционирования языка и его общественно обусловленного развития.

Как нечто однообразное, однородное и монолитное по структуре рассматривает язык и генеративный структурализм. Данными для лингвиста, по критическому определению У. Лабова, являются не высказывания наблюдаемого реального индивида, а собственные интуитивные суждения о языке [Лабов 1975a:100]. Более того, социально обусловленные отклонения от интуитивно построенной абстрактной модели языка отбрасываются как «свободное вырыпование» [Брайт 1975:34—35]. Из сказанного вытекает, что генеративный структурализм, сосредоточивая внимание на языке как системе (компетенция) и отвергая языковое употребление (применение) как несущественное, не просто суживает объект исследования

в пользу отстаиваемой идеи гомогенности абстрактной языковой структуры, одинаково доступной интуитивному познанию каждого из носителей языка. Более того, языковая система как общественно-абстрактное понятие подменяется индивидуальным представлением говорящего о ней. Совершенно очевидна субъективно-идеалистическая направленность такого понимания языка: объективно существующая в реальной речевой деятельности общества, в письменных и других фиксированных состояниях языковая система интерпретируется генеративным структурализмом как субъективно-абстрактная сущность.

Активизация исследований по проблеме языка и общества с применением генеративной методики и основных понятий этого направления в современной американской социалингвистике и критика основных идей порождающей грамматики, связанных с асоциальным пониманием языка, вынудили некоторых представителей трансформационализма пойти на компромисс: «Специфическое разграничение компетенции и применения, осуществляемое грамматикой, представляет собой гипотезу, которая может оказаться ошибочной, если другие факторы, существенные для употребления языка, и взаимоотношения этих факторов станут объектом исследования» [Chomsky, Halle 1968:111]. Другие трансформационалисты генеративного направления идут еще дальше. Например, В. Фромкин ставит социалингвистическую задачу построения генеративной теории употребления языка [Fromkin 1968:47—68].

Обобщая сказанное о субъективно-идеалистическом, асоциальном понимании языка и внесоциальном его исследовании двумя названными течениями структурализма, уместно привести слова У. Лабова, свидетельствующие об обеспокоенности лингвистов нынешним состоянием западного языкознания, в котором оно оказалось из-за ненадежности методологических основ: «Игнорирование данных речевого коллектива мстит за себя возрастающим ощущением тщетности усилий, умножением спорных вопросов и ростом убеждения, что лингвистика — игра, в которой каждый теоретик избирает решение согласно своим вкусам и интуиции» [Лабов 1975а:177].

Психолингвистика, развивающаяся в последние десятилетия с использованием понятийного аппарата генеративного структурализма, допускает аналогичные ошибки, хотя и делает их по-своему. Стремясь установить психологические закономерности порождения предложений, она исходит из биологической природы человека и языковой способности ребенка, тогда как в действительности в выборе грамматической формы высказывания преимущественную роль играют не столько «биологические», психофизические, по принятой у нас терминологии, факторы (рассеянность внимания, заикание, способность выделять интонацией главное и второстепенное и т. п.), сколько социальные [Sprachliche Kommunikation... 1974:88], в том числе факторы социальной психологии личности, отчасти разрабатываемые в рамках микросоциалингвистики.

Идея лингвистической относительности, как и обусловленный ею дескриптивный структурализм, возымела решающее влияние на раз-

витие зарубежной социалингвистики во всех ее проявлениях. Одной из наиболее результативных попыток модификации бихевиористской теории языка Л. Блумфилда и Б. Скиннера [Skinner 1957] явился трехтомный труд К. Пайка «Язык в отношении к унифицированной теории человеческого поведения» [Pike 1967]. Если Блумфилд ставил целью описание языка как системы, а системность (как и Ф. де Соссюр) связывал не с речью, а с языком, то Пайк постулирует, что и речь обладает системой и противопоставляется языку не по признаку системности/несистемности, а иначе [Pike 1967:52]. По сути, труды Пайка имеют целью не описание языка, а создание общей теории и систематики речевого поведения. Исходный тезис этой теории — любое человеческое поведение структурировано, варианты поведения («этические единицы») тяготеют к некоторым инвариантам («эмическим единицам»), причем вариативность не представляется существенной.

Действительно, как свидетельствуют исследования советских языковедов, реально существуют некоторые стандартные (стабильные) ситуации, в которых поведение человека, в том числе речевое, регламентируется: ритуальная речь, набор военных и спортивных команд, установившиеся формы объявлений, некрологов, обращений, формы вежливости и т. п. В то же время существуют вариабельные (переменные) ситуации, в которых человек ведет себя и говорит творчески и число которых больше числа стандартных ситуаций. И в тех и в других ситуациях речевое поведение, речь собеседников определяются многочисленными социальными и социально-психологическими факторами [Верецагин, Костомаров 1976: 95—102]. Следовательно, в любом случае речевая деятельность мотивируется социально. К. Пайк лишает речь социального содержания, отказывая ей в социальной мотивированности и сводя речевую деятельность к бихевиористской формуле «стимул — реакция», каждому из компонентов которой приписана «этическая вариативность». Ложность концепции Пайка и немощь его последователей в Новом и Старом Свете кроется не только в ее методологической несостоятельности, но и в логической неправомочности. В большом по объему трехтомном труде Пайк дает описание ситуаций, которые можно определить только как стандартные, то есть такие, где наиболее вероятны именно шаблонизированные речь и поведение: бракосочетание, крещение, благословение, приговор, формулы поддержания контакта при беседе по телефону и т. п. [Бок 1975]. Одновременно он избегает описания вариабельных ситуаций, в которых предвидимость речи, по крайней мере, маловероятна. Верность Пайка позитивистской позиции прослеживается в его отказе от учета причинных связей между формами речевого и неречевого поведения, по причине чего создается впечатление, что любой человек независимо от его социальных качеств в определенной ситуации будет себя вести и говорить одинаково: по выражению У. Лабова, процедуры дескриптивной лингвистики базируются на представлении о языке как организованном наборе социальных норм, а сами эти нормы считаются инвариантами, свойственными всем членам

языкового коллектива [19756:320]. Таким образом, теория речевого поведения Пайка и построенная под ее влиянием западноевропейская теория речевых действий и конверсативного анализа, имеющая целью создание специальных диалогических грамматик [Arbeiten 1979], несмотря на значительное количество описанных ими ситуаций со свойственными им формами речевого поведения, являются умозрительными субъективно-идеалистическими построениями, лишёнными социального содержания, как и теория языка Блумфила, на которой они в конечном счете базируются.

Теория изоморфизма языковых и социальных структур разрабатывается в плоскостях как межъязыковых и межкультурных противопоставлений, так и противопоставлений в пределах одноязычного общества. Первое направление развивается в духе этнографических исследований основоположников теории с характерным для них применением структурных методов. По утверждению К. Фегелина и З. Хэрриса, языковедение и этнография, оперируя разными приемами, описывают по сути один фактический материал [Voegelin Harris 1947]. Благодаря этому культуру, социальную структуру, по мнению К. Леви-Строса, можно описывать в терминах, принятых в языковедении, а именно средствами структурной лингвистики, которая делает возможным построение культурной грамматики [Levi-Strauss 1977; Williams 1966] — по аналогии с упомянутыми конверсативными грамматиками. Эта задача, думается, не под силу структурной лингвистике, как и языковедению вообще со всем арсеналом его исследовательских и описательных методов. Ведь язык и культура — далеко не соотносимые понятия, хотя в некоторых сферах не только характеризуются параллелями, но и в некоторой степени взаимообуславливают друг друга как явления общественные. В частности, термины родства, с которых собственно и началось дескриптивное сближение языковых и общественных структур, как нельзя точнее отражают иерархию родственных отношений; использование тех или иных местоимений, именных и глагольных форм при обращении наглядно отражает своеобразные этические представления, группирующиеся вокруг категории вежливости. Тем не менее фрагментарное и довольно беспорядочное сопоставление языка и культуры на основе только таких незначительных фактов одного и другого, вырванных из системы, не может служить сколько-нибудь серьезной базой утверждения универсального изоморфизма этих двух общественных явлений. Довольно типичными изоморфистскими работами в данном смысле являются статьи Дж. Фишера и Д. Хаймса, посвященные сопоставлению особенностей употребления языка и культурных навыков ряда племен и переведенные на русский язык [Фишер 1975; Хаймс 1975], Э. Кларк и Г. Кларка о некоторых языковых универсалиях, обусловленных социальными факторами, и Я. Малькиеля об употреблении местоимений для выражения категории вежливости и социального различия говорящих, обзор которых помещен в «Вопросах языкознания» (1980, № 6, с. 153).